

Советское Россия. - 1990 - Зрел - с. 4

Мы прекрасны тем, что разные

В гостях у народной артистки СССР Инны МАКАРОВОЙ

«Молодая гвардия», «Высота», «Дело Румянцева», «Дорогой мой человек», «Девчата», «Русское поле»... Около пятидесяти фильмов связано с именем народной артистки СССР Инны Владимировны Макаровой. Вклад в отечественный кинематограф немалый, но в жизни актера, как и каждого человека, кроме профессии, есть еще и семья, и близкие люди, и житейские заботы, и свое личное, сокровенное...

...За окном крупными хлопьями падает снег. Горячий чай дымит в чашках. Укутавшись в теплую шаль, хозяйка дома разбирает письма. Это ее переписка с матерью, короткие весточки с фронта от друзей-мальчишек, которые хранятся все эти долгие годы как самая драгоценная семейная реликвия.

— Увы, сейчас люди почти не переписываются. Я не имею в виду деловую переписку — уж ее так хватает. А вот эпистолярный жанр — глупости, содержательные письма с выражением своих мыслей, чувств — уходит в прошлое. Телефон удобнее, но от него ничего не остается. Конечно, когда мы с мамой переписывались, то не думали о «жанре», была внутренняя потребность духовной связи друг с другом.

— А кто ваши родители?

— Сейчас в литературоведческих изданиях пишут о моем отце — Владимире Степановиче Макарове, как об одаренном поэте, журналисте и переводчике, упоминают его поэму «Сибирь атаманская», где он создал своеобразную летопись-хронику гражданской войны в Сибири. Его членский билет Союза писателей с факсимиле Горького я тоже храню в семейном архиве. Папа умер рано, не было и тридцати пяти. Абсцесс легких. Мой муж, хирург, делает сейчас много таких операций, и люди живут...

Что касается мамы, то она была журналисткой, автором регулярно передававшихся по радио в годы войны сатирических передач «Огонь по врагу». Заочно окончила Литературный институт имени Горького, написала роман «Возвращение», который помнят сибиряки.

— Значит, вы — сибирячка?

— Да, Сибирь — моя родина и моя любовь. Я родилась на маленькой станции Тайга между Томском и Новосибирском. Мама часто брала меня с собой в журналистские командировки. Передвигались на лошадях, спали на земле, которую сначала разогревали костром, а потом забрасывали соновыми ветками.

Помню и большой дом в Мариинске, где жили мои бабушка и дедушка по отцу. Летом сюда съезжалась обычно вся наша родня. У дедушки Степана Родионовича была мастерская: переселившийся когда-то из Вятской губернии, он продолжал традицию знаменитых мастеров-гармонщиков. По всему дому разносились звуки настраиваемой гармошки. У дедушки Степана был прекрасный слух. Со всей Сибири ехали к нему люди «за музыкой». Запомнила я его добродушным, щедрым. В синей с белым горошком косоворотке, подпоясанной тоненьким ремешком.

Именно здесь, в Мариинске, на выскоке крыльца дедушкиного дома, я и дала свое первое «представление». Было мне тогда шесть лет. Но я уже не раз побывала с мамой в нашем Новосибирском ТЮЗе.

Словом, заболела театром еще в детстве. Помню, убегала в огороды и на меже, между двумя участками, где воздух напоен резким запахом помидорной и картофельной ботвы, изображала перед девочками любимого героя из репертуара местного ТЮЗа.

А потом меня приняли в театральный кружок при Доме художественного воспитания детей — был тогда такой в Новосибирске. Первой ролью, которую мне там доверили, была девочка Панька в пьесе «Кухаркины дети». Я так волновалась, что решила выпить валерьянки, хлебнув целых полстакана по незнанию. И на спектакле с таким самозабвением и грохотом била посуду по ходу действия,

что после этого за мной твердо укрепилось — «артистка!».

Какое счастье было вечером бегать в нашу студию, в валенках, ушанке, под завывающую пургу, а под шалью на груди книжка и тетрадка с ролью: скорее на сцену!

Инна Владимировна рассказывает, а я среди писем в ее архиве нахожу вот это:

«...Напишите, где ребята?.. Все ли живы-здоровы? Что играют? Я, если надо, жизнь отдаю за то, чтобы мои друзья говорили со сцены словами Шекспира, Горького и Чехова. Но умирать мне не хочется...».

— ...Это письмо с фронта от нашего кружковца Марата Бондаренко. Он погиб. Не вернулись с войны и многие другие — Дима Мелик, сыновья сибирских писателей — Миша Пушкирев, Миша Коптелов... Каждый раз, когда я читаю надписи на солдатских могилах: год рождения 1923-й, 24-й, 25-й... — сердце сжимается от боли: это все они, наши старшие мальчишки. Нет ничего более святого, чем их обрвавшаяся юность.

Пока мы, их младшие ровесники, оставались в тылу, работали на полях, выступали в госпиталях перед ранеными, там, за линией огненного кольца, в Краснодаре, начали действовать и другие ребята, из «Молодой гвардии», с которыми позднее тоже будет связана накрепко моя судьба. Но об этом я тогда ничего не знала. Не знала и того, что, закончив десятый класс, пошлю заявление в Институт кино и позже буду принята в творческую мастерскую Сергея Аполлинариевича Герасимова.

— О том, как снималась «Молодая гвардия», где вы сыграли Любовь Шевцову, написано многое, но вот читаешь вашу переписку с мамой в те месяцы, когда шла работа над кинолентой, и чувствуешь, насколько близко было вам то, что вы играли.

— Этим, наверное, и объяснялся успех фильма. Нам были понятны и близки мысли и чувства героев «Молодой гвардии», мы так же думали, так же любили свое Отечество.

— Разрешите, я процитирую несколько строк?

Из писем к матери:

«...В первый же день нашего приезда в Краснодар я в сопровождении режиссера-студентов пошла в дом и Ефросинью Мироновну Шевцову — маэри Любу. Очень волновалась, и, когда Ефросинья Мироновна меня обняла и поцеловала, я заплакала. То, что она так тепло меня встретила, окрылило. В первый день она рассказала, как Люба, купаясь за городом на речке Наменке, однажды решила измерить глубиную затопленную шахты, так называемой бездонки. И, забравшись на обрыв с камнем на голове, крикнула в эту самую бездонку. Рассказала и то, как видели наши русские женщины, когда вывели Любу из стеньги, она сняла с себя курточку и бросила ее женщинам, крикнув: «Вам еще пригодится. Носите, а мне уже не надо».

«Мамочка! Моя слава!» В павильоне редкая тишина, пока устанавливали свет, пишу прямо на столе Вани Земнухова. Сергей Аполлинариевич порадовался, что я пишу письмо, спросил, что пишу, я ему прочла. Мамочка, мне сейчас так хорошо. Привет тебе от всего штаба «Молодой гвардии» вместе со связными».

— ...У сибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, маминой подруги, которую я знала с детства, есть такие строчки: «Взрывная сила писем старых... Табак цветущий под окном...» Как точно выражено. Я благодарна старым письмам за то, что они хранят для меня живую атмосферу юности.

...Три года назад мне снова довелось побывать в Краснодаре с группой художественно-публицистического фильма «По следам «Молодой гвардии». Собрался родственники и друзья молодого гвардейцев, сестры Сережи Тюленина, Вани Земнухова, Ульяны Громовой, приехала Валя Борц, мы, актеры, игравшие в фильме. И снова окунулись в незабываемые дни. Были воспоминания, разговор о прожитом и настоящем, что вошло уже в новый фильм. Трудно объяснить словами свои чувства. Много лет прошло, я сыграла во многих фильмах, среди которых немало любимых, но ту свою первую роль в кино считаю как главное свершение в жизни, потому что фильм дал нам, тогда молодым актерам, возможность прикоснуться к высочайшей нравственности народа.

— Инна Владимировна, наши читатели в своих письмах в редакцию нередко пишут о том, что, цитирую, «сегодня

страшно ходить в кино, где можно увидеть все — от переживаний девиц легкого поведения до пикантных постельных сцен, от техники употребления наркотиков до жестокого и отвратительного насилия». Как вы к этому относитесь?

— Я их понимаю. Конечно, кино не может не отражать то, что происходит в жизни. Другой вопрос — как оно это делает, не переходит ли ту грань, за которой кончается искусство. Старые, послевоенные фильмы тоже были разными, были в них и конъюнктура, и приукрашивание действительности. Но все же большинство из них, быть может, в чем-то наивные, несовершенные, но такие искренние и душевные, пробуждали светлые чувства. Не случайно сегодня люди тянутся к старым фильмам.

Даже если художник хочет показать самое ужасное зло, то он должен сделать это так, чтобы после увиденного не повеситься захотелось, а что-то изменить в жизни к лучшему. В этом, по-моему, и заключается цель искусства, кино в том числе.

— Переадресую вам и еще один читательский вопрос: «Мы живем сейчас в такое время, когда дети не хотят верить не только учителям, но и родителям. Чем же учить их в условиях «свергнутых идеалов?»

— Я бы ответила так — вечным человеческим ценностям, которые ценились и проявлялись в людях в любые времена: любви, доброте, честности, состраданию к ближнему, милосердию. Человек — и маленький, и взрослый — больше всего нуждается в понимании. А кто должен его понять? Другой человек. Потому и надо проявлять терпимость друг к другу, избегать конфронтации. Будь то в собственном доме или в стране. Люди прекрасны тем, что они разные. Но жить вместе — значит соблюдать правила человеческого общежития и укладываться в них. Без этого не может существовать ни семья, ни цивилизованное общество.

Я много езжу с гастрольными выступлениями по разным республикам страны и с радостью вижу, что везде зрители и слушатели, какой бы национальности они ни были, помнят, любят и понимают моих героинь, потому что они обладают теми душевными качествами, которые каждый народ ценит и стремится сохранять.

— Инна Владимировна, ваша дочь выбрала профессию родителей, Наталью Бондарчук тоже знают и любят зрители. Вам нравится то, что она делает?

— Наташа неординарна. Она не просто дочь известных актеров, она личность — а отсюда и все то, что она делает. Создала эстетико-экологическое объединение «Бэмби» — это движение детей в защиту природы, это восприятие прекрасного через театр. Она ставит детские спектакли, много снимает и снимается в кино, как и ее муж Николай Бурляев. За фильм «Детство Бэмби» Наташа недавно получила на международном кинофестивале в Италии приз «Золотой голубь». Я радуюсь ее успехам и переживаю, что она разрывается между своей работой и семьей. Стараясь помочь ей в воспитании сына и дочери. У нас растут Иван, он учится в Центральной музыкальной школе, играет в мамином театре, и двухлетняя Машенька.

— Интересно, народная артистка с удовольствием занимается домашними делами?

— Времени на это не всегда хватает, но, когда приходится, стараюсь наводить в этом красоту и радость. У той же Елизаветы Стюарт есть такое маленькое стихотворение: «Что за чудо — простые дела: Вымыть пол иль почистить картошку! Вот до блеска протерто окошко, Вот в руке замеска лапа игла». И впрямь — приберись, застелишь стол чистой белоснежной скатеркой, и вот уже настроение лучше, и на душе полегче от уюта и порядка.

— Инна Владимировна, вы прожили счастливую жизнь?

— Я надеюсь, что еще буду ею жить. Я люблю людей, свою профессию, свою семью. Жизнь такова, какой мы ее делаем сами.

Беседу вел
Т. ПАНИНА.